

Двухсотлетие со дня рождения драматурга

М. Советское Искусство 9/III 32 г.

Столетний юбилей гетевской кончины заслонил двухсотлетие рождения Вома́рше, исполнившееся в текущем году. Память о великом поэте оставила в тени имя блестящего драматурга. О Вома́рше упоминали только как о герое ранней драмы Гете «Клавиге», — как известную, представляющей дилетантов одного из эпизодов мемуаров Вома́рше. Драматург оказался сам объектом драматургии, и в этом качестве его имя повторялось в гетевские дни.

То, что Гете ввел Вома́рше в круг драматических героев, не случайно: биография Вома́рше представляет столь запутанный клубок самых причудливых похищений, что ее вполне можно считать вымыслом изобретательного романиста, произведением в духе Александра Дюма-отца. Восемнадцатый век, последний век «старого режима» во Франции, нашел в Вома́рше не только одного из своих «могильщиков», но и одного из самых ярких выразителей социальных контрастов этой переходной поры.

В свое время, Вома́рше по существу своей жизни кажется меньше всего принадлежавшим литературе. Если один из его биографов считает, что паспортом для бессмертия Вома́рше являются две его комедии: — «Севильский цирюльник» и «Женитьба Фигаро», — то для самого Вома́рше этот «паспорт» был лишь эпизодом и притом не самым главным в его бурной и красочной судьбе.

Вома́рше очень трудно обозначить одним словом. Как Фигаро, он был мастер на все руки. Он много занятий соединил в своем «послужном списке», являясь зачастую не только неуклюжим дилетантом, но и настоящим знатоком своего дела. Сын часовщика Карона (Вома́рше — имя благоприобретенное), он был не только мастером часового дела, но и счастливым изобретателем, создавшим такое усовершенствование механизма, благодаря которому стало возможно изготовить не только громоздкие луковичи, но и плоские карманные часы. Это уже была своего рода революция в часовом деле.

Сын часовщика-новатора открыла Карону-Вома́рше двери в королевский дворец, познакомила его со всемогущей мадам де-Помпадур и дочерью Людовика XV и наконец сделала его мужем вдовы «контролера королевской кухни» мадам Франке.

Это было «обобщающее» начало, за которым последовало не менее занимательное продолжение. Часовщик вскоре сам стал контролером кухни, а его талант музыканта (Вома́рше был арфист) сделал его учителем музыки принцессы, композитором песенок, участником интимных дворцовых концертов.

Разночинец вскоре стал дворянином, купившим патент королевского секретаря и сделавшись «главным действующим королевских охот» в Луврских оврагах и капитулах. Сближение с финансистом Марк Дюве не принесло Вома́рше богатство. Это то, чего больше всего желал будущий автор «Фигаро», ибо страсть к паживе была одной из основных черт этого многогранного характера.

Даже простой перечень всего того, что делал Вома́рше на протяжении своей 67-летней жизни, может занять много места. Дипломат и судья по браконьерским делам, делец и бродяга, арфист и аферист, авантюрист и глоб-троттер, рошотник и поставщик оружия — Вома́рше настоящий калейдоскоп. Его деятельность на различных поприщах сопровождалась многочисленными судебными процессами. И вот здесь-то, в этих процессах, и открылось его истинное дарование. Судья Вома́рше оказался блестящим адвокатом во всех тех делах, которые он затевал. И Гете, который называл Вома́рше сумасбродным человеком, не даром говорил Эккерману, что «процессы были его (Вома́рше) стихией, где ему было вполне по себе». Адвокатские речи Вома́рше, изложенные в виде мемуаров, Гете причислял к самым замечательнейшим, талантливейшим и смелым произведениям в этом роде.

В составлении мемуаров-речей Вома́рше обнаружил — какой блестящий талант памфлетиста находится среди прочих его качеств. Его писания были красноречивейшим обращением к общественному мнению, а по тому, какой успех имел Вома́рше у читателей, можно было судить о росте буржуазной общности во Франции.

В этих памфлетах обнаружилась и другая черта литературного таланта Вома́рше — драматичность его воображения. Он так изображал своих противников, что отдельные страницы можно

Пьер Огюстен Вома́рше

было разыгрывать в спектаклях как совершенно готовые пьесы.

Но Вома́рше стал драматургом не потому, что у него к этому было специальное влечение, а потому, что у него был досуг, который он и использовал для сочинения драм и комедий. Он любил театр; чувствительность влекла его к составлению светских мещанских драм; но театральную славу ему принесли комедии, где для него явилась возможность показать в полном блеске своей сатирический темперамент.

Мастер интриги в жизни, для которого между политикой и интригой не было разницы, Вома́рше в «Севильском цирюльнике» и «Женитьбе Фигаро» создал блестящие образы комедии интриги. Это не была интригой ради интриги, т. е. произведением, в котором главное был механизм, а не сами люди. Нет, Вома́рше, который видел на своем веку слишком много представителей самых разнообразных социальных групп, сумел создать ряд законченных человеческих типов, среди которых бессмертной фигурой встает знаменитый севильский бродяга Фигаро, имя которого стало нарицательным.

Среди комических слуг театра XVIII века Фигаро выделяется как совершенно новое применение традиционного амплуа. Это совсем не Криспин или Скапель; это совсем не бойкий сообразительный и способный на различные проделки слуга, — это само воплощение молодой, бьющейся за свои права буржуазии. Лакейская диверсия — лишь случайный признак, а не определяющая черта. Вот почему, когда Вома́рше попытался отступить от такой трактовки Фигаро в своей последней пьесе «Преступная мать» и превратил неожиданно Фигаро в почтенного и преданного слугу, то публика отказалась видеть в этом новом Фигаро своего прежнего любимца, и «Преступную мать» постигла не только решительная и бесспорная неудача, а и забвение в будущем.

Вома́рше был силен там, где он сражался против феодализма за «третье сословие», и он терпел поражение там, где он, как писатель, искал с этим феодализмом примирения. Он отрывался от интересов своего класса, и класс не протерпел этого Вома́рше.

Благодаря «Женитьбе Фигаро» Вома́рше является одним из предтеч великой буржуазной революции 1793 года. При этом он не был революционером, но его действительная природа, его живой и острый ум — все это привело Вома́рше к той роли застрельщика, о которой он меньше всего думал. «Женитьба Фигаро» явилась революционным фактом не только в силу своего боевого содержания, но и в силу той борьбы, которая велась самим королем Людовиком XVI против ее разрешения.

Для самого Вома́рше «Женитьба» была кульминационным пунктом его блестящей карьеры. С этой поры началась медленность, а потом и более решительный спуск.

Вома́рше мог быть оппозиционером в

условиях королевского режима, но он растерялся, когда наступила настоящая революция. Революция его застала уже немолодым, в заботах об упорении своего положения в состоянии. Как раз вблизи Бастилии он построил для себя роскошный дом, и его волновала не столько судьба королевской тюрьмы, сколько опасность, могущая грозить его двору.

Десять лет, которые Вома́рше прожил при новом режиме, были для него цепью испытаний и неудач. Он затеял купить в Голландии для французской армии по тысяч ружей, оставшихся после разоружения Нидерландов. Это предприятие, в котором Вома́рше, хотел сразу убить двух зайцев — оказаться добрым патриотом и заработать, — дошло его до тюрьмы, а потом до эмиграции. Он вернулся в Париж едва ли не умирая. Правда, до самого последнего дня своей жизни он не переставал заниматься делами, торговать, сочинять и даже интересоваться воздухоплаванием. Но это была уже тень прежнего Вома́рше, не боее.

Вома́рше умер в 1799 году, не пореяв за грань XVIII века. Его жизненный путь, очерченный датами «1732—1799», выглядит сейчас как зеркало, в котором отразился распад королевской Франции и становление Франции буржуазной. Вома́рше был одновременно концом и началом, завершителем и начинателем. Как делал, он предвосхитил будущих героев капиталистической эпохи, оказавшись, пожалуй, лишь более напыщен, несмотр на свой изворотливый и изобретательный ум.

Его погоня за золотом носила все же драматический оттенок. Его репутация в свете моральных оценок кажется сомнительной и двусмысленной. Враги ему приписывают большее, чем то, за что был способен этот беззаботный по части принципов человек. О нем даже говорили, как об отравителе собственных жон. Этот слух дал повод Вольтеру написать: «Такой живой, стальной и горячий человек, как Вома́рше, мог поколотить свою жену и даже обидеть жен, но он не мог отравить их». И заш Пущин также отрицательно ответил своему Моцарту, когда тот спросил Сальери: «Ах, правда ли, Сальери, что Вома́рше кого-то отравил?». На что Сальери ответил: «Не думаю, он слишком был смеюш для ремесла такого».

Проживший и делец, преток Кройтеров наших дней, Вома́рше, однако, спасен от забвения только благодаря своему перу. Сюжетическая судьба первых двух частей его трилогии о Фигаро — воистину блестяща. Моцарт и Россини, написав в нем партитуры, навсегда включили Вома́рше в репертуар музыкального театра, но и драматический театр по справедливости числит Вома́рше в списке своих классиков.

В России «Фигарова женитьба» была представлена в первый раз в Москве на водном Петровском театре «января 13-

го дня 1787 года» и по свидетельству автора «Драматического словаря», вышедшего в том же году, «перевод и представление публикою одобрены; повтораема была на театре много раз и всегда зрителями театр наполнялся». В те же годы ставился и «Севильский цирюльник» и «онная пьеса имела успех как в переводе, так и в представлении».

И с тех пор комедии Вома́рше, особенно «Фигарова женитьба», не перестают ставиться в русском театре. В годы войны «Женитьба Фигаро» шла в московском Камерном театре, затем — уже в революцию — ее ставил Ф. Комиссаржевский, а в 1920 году в новой постановке она шла в Малом театре. Последней, по времени, специальной интерпретацией является ее постановка в московском Художественном театре, в режиссуре К. С. Станиславского и в декорациях А. Я. Головина.

В Вома́рше как драматурге до сих пор волнует та глубокая связь жизни и театра, которая запечатлена в его лучших текстах. Вома́рше писал на досуге, но не ради досуга. Он любил наносить удары своим сатирическим бичем и умел бороться за то, что считал справедливым. Его сатира была сильна потому, что она соединяла атаку с положительным содержанием, с волей восходящего к жизни класса.

Вома́рше принес в театр новые веяния, он сделал героями людей среднего состояния. И в этом смысле облик Вома́рше особенно ярко рисует та цитата, которую Г. В. Плеханов приводит в своей статье о французской драматической литературе: «Какое дело, — спрашивает Вома́рше, — мне, мирному подданному монархического государства XVIII века, до афинских и римских происшествий, могу ли я сильно интересоваться смертью какого-нибудь пелопонесского тирана, или принесением в жертву молодой царевны в Авлиде? Все это меня совсем не касается. Из всего этого не вытекает для меня никакого значения». Так отрицал героев античного мира, как действующих лиц драматических произведений, Вома́рше противопоставляет им севильского цирюльника Фигаро, камерюшку Сюзанну, маленькую Фашиетту, садовника Антонио и т. д. и т. д. Это уже демократия, ворвавшаяся в мир классических царей и небожителей.

Нам остается напомнить еще о Вома́рше как о первом защитнике авторских прав драматических писателей. Вома́рше хотя и был богатым человеком, не пужавшимся в литературном заработке, но он энергично взялся за защиту авторских прав драматических писателей, которых во всяком притесняли и обматывали при денежных расчетах тогдашние театры — особенно могущественная Французская комедия. 3 июля 1777 года за обедом у Вома́рше состоялось первое собрание генеральных питов драматической литературы». Двадцать три автора, сидевших за обеденным столом, учредили драматическое бюро и создали первое драматическое общество, президентом которого стал Вома́рше, до конца своей жизни восвавший с директорами театров.

И еще одна черта хорошо рисует «профессиональность» Вома́рше как драматурга — его умение слушать голос публики. Когда его «Севильский цирюльник» встретил на первом представлении холодный прием — Вома́рше быстро принялся за исправление замеченных недостатков. Он не только произвел внутренние купюры и подтистил текст, но, в интересах стремительности действия даже выбросил целый акт.

В этой решительности своей «критики» Вома́рше был тем, чем он был всю свою жизнь — «человеком действия». Его театр был трибуной, с которой он бросил в партер искры своего остроумия и замечательный пафос своих речей. И все что мешало ему неограниченно воздействовать на зрителя — безжалостно отсекалось или убиралось.

В историю театра Вома́рше входит как драматург-политик. Его драматургия была трибуной, его комедия — ударом злов. И если время выветрило политическую сторону его «Женитьбы Фигаро», то оно сохранило и до наших дней то ощущение бунта и натиска, которое заставляло Наполеона называть «Женитьбу Фигаро» «революцией в действии», а Людовика XVI — воевать против ее разрешения. Вот почему «паспорт» на бессмертие, который предъявляет Вома́рше потомству, имеет на себе печать борьбы, а не холодного совершенства и голого формального совершенства.

Н. ВОЛКОВ